

*Е. В. Гафурова**

КОНЦЕПЦИЯ ПРИЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ А. КОЖЕВА В СВЕТЕ НЕОПРАГМАТИСТСКОГО ГЕГЕЛЬЯНСТВА Р. БРЭНДОМА

В настоящей статье анализируется концепция признания А. Кожева в свете неопрагматистского гегельянства Р. Брэндома. Концепция признания играет значительную роль в философии истории Кожева. Он утверждает, что признание является конечной целью непрерывной борьбы господина и раба. Господин создает желания, а раб осуществляет их в труде. Посредством этих отношений реализуется исторический процесс. Интерпретация гегелевского понятия признания, предложенное А. Кожевом, заметно контрастирует с пониманием этого понятия в работах современного американского философа-неопрагматиста Р. Брэндома. Обращаясь к философскому наследию Г.В.Ф. Гегеля, Брэндом понимает признание как принцип установления социальной нормативности. Это показывает, что к настоящему времени меняется подход к истолкованию системы Гегеля. Прочтение гегелевской философии само оказывается вовлеченным в движение исторического процесса.

Ключевые слова: А. Кожев, признание, Р. Брэндом, философия истории, французское неогегельянство.

E. V. Gafurova

THE CONCEPTION OF RECOGNITION IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY OF A. KOJEVE IN THE LIGHT OF NEOPRAGMATIC HEGELIANISM OF R. BRANDOM

In this article, the conception of recognition of A. Kojève is analyzed in the light of the neopragmatic Hegelianism of R. Brandom. The concept of recognition plays an important role in the philosophy of the history of Kojève. According to him, recognition is a final goal in the irreconcilable struggle of Master and Servant. Master produces decisions and Servant releases it in the labor. By means of it, the historical process is realizing. The interpretation of the Hegelian concept of recognition provided by A. Kojève is clearly different from the understanding of this concept in works of contemporary American neo-pragmatist philosopher

* Гафурова Екатерина Владимировна, культурный центр, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; katrin.gafu@mail.ru

R. Brandom. Addressing to the philosophical heritage of G. W. F. Hegel Brandom interprets the recognition as the principle of the setting up of social normativity. It shows that approach to the understanding Hegel's system has changed by now. The reading of Hegelian philosophy turns out itself is included in the motion of the historical process.

Keywords: A. Kojève, French neo-Hegelianism, philosophy of history, R. Brandom, recognition.

Проблема признания осмыслялась представителями разных философских направлений.

Будучи наследниками философии Гегеля, теоретики признания сохраняют верность диалектике и полагают, что отношения признания исторически изменчивы, т. е. не predetermined изначально неизменной сущностью человека, его природными потребностями и способностями [5, с. 6].

В данной статье осуществляется анализ понятия признания в работах французского философа-неогегельянца А. Кожева.

В истории философии Кожев известен, прежде всего, как оригинальный интерпретатор «Феноменологии духа» Гегеля, а также создатель собственной концепции философии истории, бурные дискуссии вокруг которой не утихают по сей день. Его прочтение гегелевской системы оказало существенное влияние на развитие европейской мысли.

Г. Ярчик и П.-Ж. Лабарьер [11, р. 120] отмечают в творчестве Кожева гиперсистематизацию, которая сводится к проникновению в самую сердцевину гегелевской философии. Это дает нам гегелевскую оптику на реальность, видение фундаментальных принципов. Несомненно, антропологическое прочтение самораскрытия Абсолютной идеи, понимание под ней саморазвития человека, дает новый импульс к осмыслению творческого наследия Гегеля.

Важно отметить, что именно кожевский ракурс на гегелевскую философию сформировал представления о Гегеле во всей постклассической французской мысли. Тяжелые события двадцатого века способствовали увековечению кожевской интерпретации в творчестве таких философов, как Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Ж. Багай и др.

Философия истории Кожева предстает пред нами как «кровавая и бессмысленная» борьба за признание между рабом и господином. Как отмечает В. Декомб:

Кожев оставляет в наследство своим слушателям террористическую концепцию истории <...> Реальность — беспощадная борьба людей за ничтожные цели: люди отдают жизнь за защиту знамени, за удовлетворение нанесенного оскорбления и т. д.; всякая философия, игнорирующая этот основополагающий факт, есть идеалистическая мистификация; такова, в самых грубых чертах, суть учения Кожева [5, с. 20].

Стоит отметить, что признание в философии Гегеля завершалось добровольным и взаимным разрешением конфликта господином и рабом. В свою очередь, кожевская рецепция гегелевского признания заключается в вечной непримиримости враждующих сторон, а взаимное признание оказывается недостижимой целью.

В «Введении в чтение Гегеля» Кожев пишет:

По Гегелю, только Борьба за престиж, не вызванная никакой биологической необходимостью и ведущаяся единственно ради Признания, раскрывает и осуществляет свободу. Но эта Борьба раскрывает и осуществляет свободу только в той мере, в какой предполагает Риск жизнью, т. е. реальную возможность умереть [5, с. 643].

Здесь Кожев смещает акценты в понимании важных принципов борьбы за признание и рассматривает эту проблему как проблему освобождения раба. Именно раб, а не господин, с помощью своего труда созидает историческое развитие.

Это сближает позицию А. Кожева с марксизмом, так как освобождение раба мыслится как установление измененной версии господства. Война и революция являются формами борьбы за признание, так как они трансформируют жизненное пространство человека в соответствии с волей господина. Кожев полагает, что субъективность раба более ценна для развития исторического процесса, чем господина:

В противоположность Господину, навек застывшему в своей господской человечности, Раб свою человечность, по рождению рабскую, развивает и совершенствует. Он поднимается до речевого мышления и вырабатывает абстрактное понятие свободы; он также сотворяет себя свободным Гражданином, который, преобразуя налично-данный Мир своим Трудом на Службе у обществу, в конечном счете достигает полного удовлетворения. Стало быть, это Раб, а не Господин, оказывается собственно человеком, индивидуумом, свободно творящим Историю [5, с. 711].

Особенно стоит выделить признание влюбленных, которое является взаимным без участия в предварительной борьбе: «Взаимное Признание Влюбленных здесь стало общественным и политическим Признанием, которого добиваются посредством Действования» [5, с. 637].

Впрочем, понятие любви не получает достаточного освещения в работах А. Кожева. Он сводит любовь к е налично-данному бытию, которое получает свое выражение в семье.

Главным моментом в борьбе за признание между рабом и господином оказывается негативность в значении самоопределения, т. снятие своего налично-данного бытия. Происходит преобразование налично-данного бытия из-за неудовлетворенности своей животной, или природной, жизнью, т. е. самосознание человека своей историчности, или духовности. Человек всегда определяет самого себя через Другого: «Самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании» [2, с. 98].

Человек становится субъектом истории только в процессе осознания своей неповторимой воли: «Индивидуальность «заявляет о себе» как действительное осуществление собственного человеческого желания Признания (Anerkennen)». [5, с. 628].

Стремление обрести неповторимую индивидуальность является стимулом к борьбе за признание, то есть за становление субъектом общественных отношений. По мнению Б. ван ден Бринка, «<...> теорию признания можно

считать философией этической, т. е. заинтересованной в определении общего блага, и философией эмансипационной» [1, с. 6].

В. Н. Кузнецов критикует философию истории А. Кожева с позиции классовой теории и марксизма: «Кожев занялся конструированием надуманной схемы его «экзистенциальных» оснований и следствий. Таким основанием Кожев объявил порождаемый террором страх перед смертью, который якобы так преобразовал сознание людей, что они изживают в себе рабское отношение к жизни, про котором она ценится выше свободы, и готовы вести смертельно опасную борьбу ради того, чтобы быть «признанными» в качестве свободных граждан» [6, с. 104]. Таким образом, человек становится человеческим (историчным) только рискуя собственной жизнью, так как желание свободы оказывается сильнее страха смерти.

По мнению В. Н. Кузнецова, идея классовой борьбы уже имплицитно присутствует в философии Гегеля:

В свете исторического материализма (но только в свете этого марксистского учения об обществе) в изложенных взглядах Гегеля легко заменить колоссальные возможности для выработки теории социальной революции, показывающей исторически закономерный процесс свержения трудящимися угнетенными классами господства эксплуататорских классов» [6, с. 97].

И. С. Курилович утверждает, что ведущим понятием в философии А. Кожева является негативность, которая выражается в тотальной борьбе между господином и рабом: «Признание или престиж здесь не является целью, они побочный или, иначе говоря, определенный культурой в качестве положительного результат взаимного отрицания (действия) негативностей» [7, с. 147].

Борьба ради чистого престижа, не обусловленная какой-либо практической целью, является двигателем исторического процесса. Мысль А. Кожева остается на уровне негативности, тем самым нарушая порядок гегелевской диалектики.

Для более основательного понимания концепции признания А. Кожева следует сравнить ее с интерпретацией признания в работах американского философа-неопрагматиста Р. Брэндома. Обращение к аналитическому прагматизму в лице Р. Брэндома вызвано повышенным вниманием к аналитической философии в России в целом, а к аналитическому прагматизму в частности. Несомненно, интерпретация гегелевской философии в русле аналитического прагматизма позволит открыть новые грани в концепции признания. По мнению С. В. Никоненко,

<...> «гегельянство» в современной аналитической философии особенно отчетливо проявилось в рамках трех разделов философии: эпистемологии, философии истории и теории символизма. При этом следует особо оговорить, что идеи Гегеля заимствуются избирательно [8, с. 149].

Какие же гегелевские идеи важны для Р. Брэндома? На какой проблематике в философии Гегеля он делает акцент в первую очередь?

Как и А. Кожев, Р. Брэндом обращается к «Феноменологии духа» как к фундаментальному сочинению в корпусе философских текстов Гегеля. Он

предлагает оригинальную интерпретацию понятия признания и борьбы между рабом и господином в качестве нормативных статусов. Признание осуществляется с помощью социальных практик, участники которых обладают обязательствами и полномочиями. И. Д. Джохадзе отмечает:

Так гегелевская тема «борьбы за признание» находит свое продолжение в лингвистическом прагматизме Брэндома. Признание — *Anerkennung* — мыслится Брэндом как нормативное отношение, связывающее одного члена языкового сообщества с другим [4, с. 52].

Нормативные статусы принимаются самим субъектом сообщества, а также приписываются для исполнения всем другим его членам. Нормативность всегда существует в рамках определенного дискурса, то есть вне социальных отношений нормативности не существует. Важно отметить, что Р. Брэндом рассматривает возможность взаимного признания в рамках определенных социальных практик и языковых игр. Как пишет И. Д. Джохадзе,

<...> диалектика «двойного признания» лучше всего раскрывается в юридико-правовой и судебной практике (ведь статусы, принимаемые и приписываемые субъектами лингвистического взаимодействия, как подчеркивает американский философ, носят деонтический, нормативный характер) [4, с. 53].

Таким образом, признание осуществляется благодаря следованию строго регламентированным правилам, установленным в определенном сообществе. Теперь для того, чтобы быть признанным, не нужно рисковать жизнью: борьба между господином и рабом принимает деонтическое значение. Принятие норм позволяет сформировать связь между поколениями, то есть примиряет настоящее с прошлым. Главное значение философии истории Р. Брэндома является возможность интерпретации норм прошлого, а также включенности прошлых поколений в настоящее через объединяющее следование нормам и игровым практикам:

Гегелевская модель признания институирования нормативных статусов посредством нормативных установок формирует идею, что касающиеся-других-установки приписывания ответственности и полномочности <...> важны для действительно ответственных и уполномоченных <...> лиц, так же, как и касающиеся-меня-установки признания этих статусов [10, р. 277].

В книге «Дух доверия» Р. Брэндом подвергает детальному анализу понятие борьбы за признание между рабом и господином, делая акцент на нормативности, а не на риске или страхе смерти. Р. Брэндом рассматривает социальные статусы господина и раба через асимметрию желаний: господин принимает свое положение непосредственно, без постоянного подтверждения его нормативных установок, т. е. оно автономно. Раб же вынужден добиваться своего нормативного статуса через труд, его положение утверждается через удовлетворение желаний господина. Таким образом, раб несет ответственность за реализацию желаний господина. Тем самым их диалектическая связь усиливается. Формируется новая субъективность раба, выраженная в труде на удовлетворение желаний господина. При этом сами желания раба, его борьба

за признание объективируются в труде. Господин обладает независимостью, его установленная власть конституирует ответственность раба. В то же время, труд раба поддерживает представления Господина о собственной независимой субъективности. Именно рабы, или слуги, по Р. Брэндому, являются двигателями исторического процесса, так как они трансформируют окружающую действительность:

<...> Главный вопрос в том, насколько успешно их установки институируют подлинные нормативные статусы, или следует говорить, что вся история должна быть понята на уровне установок присвоения и признания подобных статусов [10, p. 267].

Важно отметить, что только принятие на себя обязательств делает человека субъектом нормативных отношений. Это означает переход от естественного состояния к духовному. Брэндом утверждает, что самосознание субъекта начинается с желания и признания:

Сформулированное нами для ясности утверждение — это центральная доктрина Гегеля о том, что самосознание состоит во взаимном признании. В этом смысле понятно, что признание других необходимо и существенно для обладания концепцией самостей, или субъектов, сознания [10, p. 254].

Брэндом приводит пример признания в социальной жизни — а именно, признания социального статуса знаменитостей в сфере политики и музыки. Знаменитости наслаждаются своим высоким статусом. Их личность оказывается слитой со статусом, превосходящим ее саму. Презрительное отношение к людям более низкого статуса весьма характерно для современных знаменитостей. Презрение оказывается точкой сборки успешной личности с высоким статусом социальной жизни. В свою очередь, поклонники знаменитостей следя за их жизнью, признают тем самым их высокий статус [10, p. 340–343].

Итак, можно выделить ряд особенностей концепции признания Р. Брэндома. Во-первых, Р. Брэндом придает понятию признания характер нормативности, которая выражается в социальных практиках и языковых играх. Во-вторых, Р. Брэндом переносит практику признания из сферы политического в область частных интересов. Например, признание теперь может осуществляться без риска и страха смерти для человека. Сейчас чтобы быть признанным в определенной социальной группе, достаточно соответствовать ее нормативным установкам и правилам. В-третьих, Р. Брэндом смягчает напряженность признания в истории, рассматривая страх и риск не так тотально, как это делает А. Кожев, а просто как нечто встроенное в саму общественную нормативность.

В чем же состоит существенное отличие брэндомовской интерпретации признания от понимания признания в философии А. Кожева? Как отмечает И. Д. Джохадзе: «По мнению Брэндома, значение Гегеля и его последователей в Европе и США состоит в осуществленной ими натурализации Канта: концептуальные нормы, регулятивы и принципы стали интерпретироваться как социально-практические установления, институции» [4, с. 50]. Неопрагматистская интерпретация Р. Брэндома открывает новый ракурс на гегелевскую философию — выделение нормативности как ведущего звена в развитии истории.

Что можно отметить общего в концепциях А. Кожева и Р. Брэндома? Несмотря на то, что оба философа принадлежат к различным направлениям, их объединяет внимание к социальному аспекту в философии Гегеля. Формирование субъективности человека, по А. Кожеву, происходит через осознание смертности и преодоление своего налично-данного бытия через борьбу за признание. Р. Брэндом полагает, что субъективность человека базируется на принятии норм и установок. Оба философа считают, что именно субъективность Раба является ведущей и созидательной для истории, так как именно через труд он непрерывно совершенствуется физически и ментально. Субъективность же господина оказывается менее значимой для развития истории, хотя именно он создает цели и желания для дальнейшей их реализации рабом.

Тем не менее, имеются и существенные различия. Если А. Кожев делает акцент на негативности и социальной напряженности в борьбе за признание, Р. Брэндом обращает внимание на нормативные статусы и их признание всеми участниками определенной социальной группы. Подтверждение нормативных статусов оказывается возможным без тотальности конфликта между господином и рабом. Оно осуществляется через исполнение нормативных установок. Строгое следование правилам определенной группы предупреждает возможные социальные конфликты. Если для Кожева любое историческое событие тотально и неповторимо, то для Брэндома существует историческая взаимосвязь между нормами настоящего и прошлых поколений. Нормы и правила, создаваемые и принимаемые социальным сообществом, непременно ведут его к дальнейшему процветанию в будущем. Можно отметить, что если для А. Кожева характерно пессимистическое мироощущение истории, то Р. Брэндом демонстрирует более оптимистическое видение будущего.

Можно заключить, что в каждый исторический период философия Гегеля получает актуальную интерпретацию, отвечающую главным запросам своей эпохи. Для двадцатого века характерно рассмотрение гегелевской концепции признания через социальную напряженность, историческое противостояние господина и раба приобретает тотальность. История начинает рассматриваться как процесс сражений, не ведущий ни к какому логическому мирному завершению. Две мировые войны и трагические события двадцатого века является доказательством такого восприятия эпохи. Концепция Р. Брэндома, напротив, отражает юридическую формализацию всех сторон жизни современного человека, вынужденного постоянно стремиться соответствовать быстро изменяющемуся миру. Следуя логике Р. Брэндома о нормативности, можно сказать, что его интерпретация Гегеля оказывается встроенной в определенную социальную практику и разворачивается по строго регламентированным правилам. Или, скорее, существующая действительность подталкивает нас к той или иной актуальной для своего времени интерпретации Гегеля? Ведь, как известно, очень часто идеи философов трактовали в угоду той или иной доминирующей политической системы. В любом случае, представляется необходимым сохранять непредвзятость по отношению к гегелевской философии. Следует полагать, что многообразие интерпретаций гегелевского наследия позволит нам ответить на многие важные вопросы современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. ван ден Бринк. Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. — 2014. — № 2 (128). — С. 5–18.
2. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть 1. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Шпет // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. — Т. 4. — СПб.: Наука, 1999. — С. 41–444.
3. Декомб В. Современная французская философия / пер. с фр. М. М. Федоровой. — М.: Весь Мир, 2000. — 344 с.
4. Джохадзе И. Д. «Борьба за признание» в интерпретации Роберта Брэндома // Философия и культура. — 2014. — № 1. — С. 49–56.
5. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. — СПб.: Наука, 2013. — 791 с.
6. Кузнецов В. Н. Французское неогегельянство. — М.: Изд-во Московского университета, 1982. — 200 с.
7. Курилович И. С. Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля–Гуссерля–Хайдеггера. — М.: РГГУ, 2019. — 224 с.
8. Никоненко С. В. Гегель, символизм и герменевтический поворот в современной аналитической философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20, вып. 4. — С. 148–158.
9. Стрелков В. И. Признание и его неогегельянский контекст // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2013. — № 11 (112). — С. 23–38.
10. Brandom R. B. A Spirit of Trust: A Reading of Hegel's Phenomenology. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. — XIV, 836 p.
11. Jarczyk G., Labarrière P.-J. Cent cinquante années de "réception" hégélienne en France // Genèses: Sciences sociales et histoire. — 1990. — № 2. — P. 109–130.